

The background of the cover is a swirling, ethereal illustration in shades of green, yellow, and brown. It depicts a figure with long, flowing hair, possibly a mermaid or a spirit, emerging from the water. The figure's face is partially visible, looking upwards. The overall style is painterly and dreamlike.

ЕЛЕНА ЛИКИНА

# ЗЕЛЁНЫЕ СВЯТКИ

16+

Елена Ликина

**Зелёные святки**

«Автор»

2021

**Ликина Е.**

Зелёные святки / Е. Ликина — «Автор», 2021

Мир, открывшийся перед Анной в тёмное время, не отпускает её. Летом она возвращается в Ермолаево, чтобы остаться там навсегда. Знакомые «девчата» встречают Анну без особой радости — ведь на зелёные святки может случиться всякое...Цикл "Потустороннее в Ермолаево", книга вторая.

© Ликина Е., 2021

© Автор, 2021



## Елена Ликина

### Зелёные святки

#### Часть 1

Весна обрушилась на город неожиданно. Затяжные майские заморозки за одну лишь ночь сменились теплом.

Растревоженная Анна изменений не замечала – из Ермолаево вторую неделю не было вестей. И Марьяша должна была, но не приехала в офис со своими пирогами.

Анна планировала вернуться в деревню к июлю, перед Купалой. Но теперь решила отправиться раньше – сил не было ждать.

Перед тем, как отправиться, она заглянула к родителям, чтобы предупредить об отъезде.

Чуть помедлив перед дверью квартиры, Анна вдохнула поглубже и решительно нажала зелёную кнопку звонка.

Под залиvistую трель на пороге возникла мать – подтянутая, умело подкрашенная, с неизменной сигаретой в тонких длинных пальцах.

– Мам, ты как всегда... Неотразима! – пробормотала Анна, клонув душистую нежную щеку. – Я заехала попрощаться. Завтра с утра отбываю. Обустроюсь – приглашу в гости.

Мать посмотрела с ужасом:

– Как – завтра с утра? Ты же хотела летом. А работа?

– Сегодня был последний день, – устало улыбнулась Анна. – Я теперь вольная птица. Уже и квартиранток нашла.

– Я так надеялась, что эта блажь пройдёт! Ты точно не в себе, дочь! Как можно бросить такую работу?

– Ну какую – такую?

– Денежную! Непыльную! В прекрасном коллективе!

– Мам. Коллектив самый обычный – никому ни до кого давно нет дела.

– Но Анна! У вас там полно холостых мужчин! Шеф симпатизировал тебе. Ты могла бы составить прекрасную партию, выйти замуж!

– Опять ты за своё! Не собираюсь я замуж... – Анна вдруг сильно покраснела и добавила потише, – пока не собираюсь.

– Пока? У тебя кто-то появился? – с надеждой спросила мать.

– Нет. Просто нравится один человек. И всё.

– Кто он?

– Обычный мужчина. Из Ермолаево, кстати.

Мать застонала:

– Когда я узнала, что ты отправилась на Новый год в какую-то глушь – не поверила сначала. Не может человек в здравом уме выкинуть подобное. Тебя явно кто-то сглазил! Кому ты перешла дорогу? С кем поругалась? Вспомни, дочь!

– Перестань, мама. Я с детства люблю деревню. Ты прекрасно об этом осведомлена. Пришло время изменить жизнь.

– Выйдя замуж за деревенщину? И это моя дочь! Не могу, просто не могу поверить! Уволиться. Сдать квартиру. Найти сомнительную подработку в сети. И всё для того, чтобы добровольно запихнуть себя в глухомань! А если там не будет связи? Как ты сможешь зарабатывать? На что будешь жить?

– Мам, ну что ты раскричалась! Связь будет. А если нет – девчата наколдуют, – Анна вспомнила приятельниц бабы Они и улыбнулась.

– Наколдуют! Какое варварство!

– Почему варварство? Тебе же нравятся мистические картины отца. Ты всегда с таким восторгом отзываешься о них. И мам... Я давно хотела спросить, ты веришь в то, что там нарисовано? Веришь в... нечисть?

Мать замерла, пряча глаза.

Ободрённая её молчанием, Анна продолжила:

– Там, в Ермолаево, я много кого повидала. Узнала удивительные вещи. Неведомые силы существуют. Они среди нас, мама! Это так необычно! Так интересно! Я не могу, не хочу жить как прежде, понимаешь? Меня тянет туда. Я знаю, чувствую – там моё место!

Мать без сил опустилась на стул. Сгорбилась, словно из неё выпустили воздух.

– Твоя бабушка говорила, что так будет. Твердила про силу, которую должна тебе передать. Я не поверила тогда, но на всякий случай отгородилась, не позволила вам больше общаться. Я так хотела, чтобы ты выросла нормальной, дочь! Без этих игр в ведьм и колдовство.

Анна не стала спорить, спросила ещё лишь о том, что давно её волновало:

– Почему вы внезапно продали бабушкин дом? Столько лет ничего не предпринимали, и вдруг решились?

– Мне приснился сон. Под праздники, когда ты была в своём Ермолаево. Приснилась свекровь. Она сказала, что в доме хранится какая-то вещь. Для тебя. И ты обязательно должна её получить! После этого я не выдержала, уговорила отца избавиться от дома.

– Но как вам удалось так быстро это сделать?

– Его купили соседи, они давно хотели расшириться.

– И вы ничего, совсем ничего оттуда не взяли? Ты даже не попыталась поискать эту вещь? Скрыла всё от меня!

Мать покачала головой, взглянула умоляюще:

– Я пыталась тебя защитить!

– От чего, мама? От чего?

– Не надо тебе уезжать, дочь! Может, ещё передумаешь? Останешься? На Троицу поедem на дачу. Отец нажарит шашлыков. Посидим. Поговорим по душам.

– Нет, мама. Я уже всё решила и не стану ничего менять.

...

В автобусе Анну укачало.

Вокруг гомонили пассажиры.

Было душно. Спёртый воздух салона пропитался бензином.

– Скоро ли поворот? – повернулась Анна к сидящей рядом бабушке. – Мне в Ермолаево.

Та глянула косо, буркнула:

– Зря ты туда наладилась. В недобрый час.

Анна хотела возразить, но автобус круто вильнул в сторону, и она лишь крепче сжала зубы да задышала часто.

Когда же доехали до развилки – без сил вывалилась наружу, постояла с закрытыми глазами, пытаясь унять дурноту.

А стало получше, неспешно пошла по дорожке, подмечая случившиеся перемены.

Близилась Троица. В ожидании зачарованного времени расцвела земля, разукрасилась, словно невеста.

Нежные головки цветов поднимались всюду из травы. Пряный сладкий дух волнами гулял по полю, кружил голову, перехватывал дыхание.

Анна не удержалась – сорвала невесомый стебелёк, залюбовалась скромным васильком. После наклонилась ещё за одним цветком, вроде шалфея. Собрала нежных ромашек, голубую вероничку. Легонько встряхнула душистый букет, освобождая от зазевавшихся насекомых. И пропустила неприметную бабочку, что скользнула в траву да поднялась оттуда ветхой стару-

шонкой. Черна была лицом старая – до того загорела. А глаза разноцветными камешками светились. Один – зелёным, другой – голубым.

Выкатилась она на тропинку, перегородила Анне дорогу.

– Что полднем хошь? Цветы обрывашь? – прошамкала сердито.

– Для всех дорога, потому и хожу! – не растерялась Анна. – И цветы – для всех.

– Ой ли? – прищурилась старая. – Ну иди, коли так.

И принялась сгребать из воздуха серые ватные хлопья, бросать Анне вслед, приговаривать:

– Иди-бреди, в мгу попади... Иди-бреди, в мгу попади... Вдохнёшь – забудешь кто ты есть.

Разрослись хлопья, расправились, покрыли всё вокруг пеленой.

Только что мягко светило приветливое солнце и вдруг пропало, потерялось в серой мгле.

Вдохнула Анна прохладную влагу и запнулась. Все мысли, все волнения исчезли враз, словно проник и в голову туман, ничего знакомого не оставил.

– Где я? Куда иду? Зачем? – лихорадочно заозиралась по сторонам, уронила на землю ненужные теперь цветы.

На самые простые вопросы не было у Анны ответа. Позабыла она даже своё имя!

Туман наседал. Лип к лицу. Обволакивал. Растекался клейкой массой, словно хотел поглотить.

Не сдержалась Анна, закричала громко:

– Помогите! Кто-нибудь! Помогите!

Взбаламутив холодную влагу, пронеслось совсем рядом что-то юркое. Чудом не наткнулось на Анну, только мазнуло крылом. Зачирикало, защебетало – позвало за собой.

Раздвигая руками застоявшийся воздух, тщетно вглядываясь вперёд, двинулась Анна на голос.

Внезапно туман вытолкнул её к неприветливому старому дому у лесной окраины. Заросла к крыльцу тропка, прогнили деревянные ступени, потемнели от грязи тусклые оконца.

Странное крылатое существо, смахивающее на летучую мышь, сидело на шатких перилах и, когда Анна приблизилась, спрыгнуло, протиснулось в щель под дверью.

Анна не успела постучать, как дверь отворилась.

В проёме возникла хозяйка. В тёмном платье да чёрном платке, с длинной седой косой в пол, смахивала она на колдунью из сказок.

Сузив глаза, осмотрела гостью, пригласила жестом – проходи.

Анна робко ступила в помещение, присела на табурет у стены.

Хозяйка же отошла к столу, повернулась спиной, загремела чем-то.

– Я... потерялась... – заговорила Анна.

– Куда шла?

– Не знаю...

– Не знаешь? – обернулась хозяйка.

– Не помню. В голове пустота, – всхлипнула Анна.

– Кто тебя ждёт, тоже не помнишь?

– Не-е-ет...

Хозяйка подошла, подала стакан. В мутном желтоватом растворе плавали сморщенные багровые ягоды.

– Выпей вот.

– Что это? – Анна понюхала напиток, скривилась от противного запаха.

– Настой. Успокоишься. Приснёшь. – охотно пояснила женщина. – Пей!

– Зачем мне спать?

– Пей уже! – велела хозяйка и оглядывая Анну, пробормотала почти неслышно. – Худо-вата птичка. Ну, хоть что-то.

Не хотелось пить, но Анна послушалась, поднесла ко рту стакан. А услышав последние слова, подняла голову – перехватила жадный нетерпеливый взгляд.

– Что вы сейчас сказали?.. – начала было и осеклась, увидела в глазах хозяйки своё перевернутое отражение!

Застучали по полу коготки – полезли из углов странные твари, собрались вокруг. Сморщенные голые их тельца лоснились, волочащиеся по полу крылья походили на старое тряпье.

Хозяйка ощерилась, приказала погрубевшим враз голосом:

– Пей!!!

Анна взглянула на неё снова и словно провалилась в глубокую чёрную воронку. Подняла безвольно стакан, вот только не успела отхлебнуть настоя – в кармашке джинсов шевельнулось что-то, забилося, задёргалось изо всех сил. Взвизгнув, вытащила Анна непонятный мешочек да отшвырнула от себя.

Из надорванного уголка посыпалась труха, кусочки то ли дерева, то ли коры.

– Можжевельник!.. – попятилась хозяйка с хриплым вскриком.

Испуганно распищавшись, прынули прочь крылатые твари.

И словно схлопнулось всё вокруг – вновь оказалась Анна внутри тумана. Одинокая и потерянная, беспомощно закружила среди непроницаемой мги.

## Часть 2

Слепо блуждала Анна среди мги. Пусто было на сердце, не хотелось больше ни кричать, ни звать на помощь. Всё равно ей стало, только какая-то сила словно толкала вперед, побуждала идти.

Заколело в кармане – там остался крохотный кусочек коры. Анна зачем-то понюхала его, сжала в ладони.

Можжевельник! Он уже помог ей. Что, если попросить ещё?

– Помогите вспомнить, кто я! – зашептала в отчаянии Анна. – Выведи отсюда!

– Кра-а-а, кра-а-а... – почти сразу прозвучало рядом.

Возникнув из пустоты, слетел на плечо Анне ворон, больно сжал когтями, завёл всё громче:

– Кра-а-а! Кра-а-а! Кра-а-а!..

Чьи-то сильные руки обхватили её уверенно да вытащили из морочной ловушки к свету!

– Вот так встреча! – незнакомый мужчина держал крепко, смотрел с тревогой. – Как ты здесь очутилась?

Анна хотела ответить, но растеряла слова – так поразило её неожиданное спасение!

Вокруг высился лес, солнце проглядывало сквозь кроны деревьев.

Как же она прошла здесь, как не запнулась, как не ударилась о стволы?..

– Что смотришь? Что молчишь? – мужчина отпустил её, лишь легонько тряхнул за плечи. – Обмороченная, что ли? Анна, очнись!

И как только произнёс он «Анна» – словно лавину прорвало! Схлынула пелена, вернулась память!

Разрыдавшись, кинулась она к Тимофею, обняла, прижалась к груди.

– Ну чего ты... Ну... Хватит реветь, – отстранился тот смущённо. – Я и забыл, что ты мастерица влипать в истории! Рассказывай давай, откуда взялась?

– В тумане заблудилась, память потеряла.

– Не было никакого тумана. Ты навстречу мне шла. Словно слепая...

– Я не видела ничего! Только пелену.

– Ясно. Обморочили всё-таки. Значит, через туман и перешла. Я глазам не поверил, когда тебя здесь увидел! Ты в деревню приехала?

Анна кивнула.

– Я неприятную старуху встретила. Она меня поучать вздумала... Потом туман появился... Моя сумка! Я забыла её! В том доме! – Анна в ужасе прижала руки к щекам. – Какая-то тётка хотела меня напоить... Тёма, у неё в глазах перевернуто всё!

От подобной сумбурной речи Тимофей улыбнулся невольно, но тут же посерьёзnel, нахмурился:

– Анна, Анна... У хомутницы ты сумку оставила. Старушонка тебя прямиком к ведьме отправила. Чем же ты её разозлила?

– Не злила я её! Она сама ко мне пристала. Из-за цветов.

– Ладно, что попусту гадать. Пойдём, провожу тебя немного. До прохода. Дальше не могу. Не моё время сейчас.

– Почему не можешь?

– Договор такой. И ещё, Анна... Не ходи теперь к Оне. К Тосе попросись или Матрёше, у них пока перебудь.

– Почему?! Случилось что-то?

– Зелёные святки скоро – русалья неделя. Ко многим родня возвращается. Из обращённых. Нечисть теперь к домам льнёт – на своих посмотреть, тоску заглушить. Вот и у Они сейчас особая гостья.

...

Девчата встретили Анну безрадостно.

Тося спросила в своей манере:

– Чего припёрлась раньше времени? На Купалу должна была.

Анна, не ожидавшая подобного, расплакалась. И девчата засовестились, принялись её успокаивать. Даже Тося смутилась, погладила по растрепавшимся волосам, пробормотала что-то примирительно и вдруг застыла, принялась:

– Ты Тёмку видала! Не отрицай! Ну-ка, колись, когда успела?

Анна, сморкаясь и всхлипывая, рассказала сначала все новости – что работу оставила, что Марьяша в город не приехала, что дозвониться до Ермолаево не получалось.

– Переживала я за вас!

– И поэтому рванула сюда, спасительница? – съязвила Тося. – Помолчи, дай угадаю дальше. Снова ты в передрыгу попала, а Тёмка тебя вызволил. Ну, права?

Анна кивнула и сбивчиво поведала девчатам о напасти, что с ней приключилась – про старушонку чуднУю, про туман, про ведьму-хомутницу.

– Надо было той старушонке про мУки хлеба рассказать, чтоб отстала, – заявила Матрёша.

– Какого хлеба, чего городишь-то? Не растёт там ни рожь, ни пшеница. Поле незасеянное.

– Всё равно. Полуденница...

– Да не полуденница то была. Сказано – старуха чёрная и глаза разные. Обилуха! Так-то она следит, чтобы семена в срок проросли, чтобы всё поднималось и цвело. Вот на Анну за цветы и рассерчала.

– Точно! – согласилась Тося. – Перед клечанием всегда просить надобно.

– Клечание? Что это?

– Ритуал такой, вроде как почтение природе. Как раз перед Троицей, на зелёные святки справляется. Дома украшают цветами да ветками. И никому обилуха не пакостит!

– Дык, со спросом рвут-то! С поклоном да приговорами. А Анна просто так набрала, да ещё и в спор ввязалась! Надерзила, небось?

Анна вздохнула.



– Ох, девка... Обилухе надобно кланяться! – принялась поучать Грапа. – И сразу на землю прилечь ничком, она б походила вокруг, да и ушла восвояси. Главное – не разговаривать, не отвечать ничего! Не в первой тебе, Анна, с нечистью встречаться, а до сих пор неумелая. Не научилась ничему!

– Спасибо скажи, что она тебя на сковородке не изжарила, лишь туману напустила, – хмыкнула Тося.

– А я тумана тоже боюсь, – поёжилась Матрёша. – Сосед мой через него всё потерял.

– То да. Жуткая история. – Грапа разлила собравшимся чай, отрезала щедрые золотистые ломти запеканки, разложила по тарелкам. После пояснила для Анны:

– Гришка, сосед Матрёшин, как ты в туман попал. Особенный, наведённый. Гнал стадо с выпаса и заблукал. Давно то было – мамка её девчонкой бегала. Блуждал долгонышко, никак не мог выбраться, всё коров звал. Те мычали вдалеке – жалобно, испуганно. Лишь к вечеру туман отступил. Собрал тогда Гришка стадо и погнал в деревню. А там!..

– Что? – выдохнула Анна.

– Поменялось всё! – выкрикнула Матрёша. – Жена его, Настя, состарилась! У соседской ребятни свои дети народились да повзрослели. Через время он шагнул, понимаешь? У нас годы прошли, а у него полдня. Бабушка с тёткой Настей всю жизнь продружила. Я хорошо помню, как та к нам приходила и про мужа своего пропавшего вспоминала, всё ждала его, замуж больше не вышла. А ведь красавицей была, хотя сватали её потом.

– Куда ей замуж было? – скривилась Тося. – Ни вдова, ни мужняя жена. Так и прожила одна. А как одряхлела – муж и появился! В Ермолаево об этом долго судачили. И сам пришёл, и стадо пригнал. А хозяев у коровушек давно не стало.

– Как он переживал, сердешный! – печально сказала Грапа. – Когда осознал всё – в голос вы! В ногах у Насти валялся. Прощения просил. Только за что?

– А потом?

– Коров на ферму увезли, в соседний посёлок. А Гришка всё бегал на то поле, туман искать. Надеялся на обратку – вернуться через него назад хотел, в прошлое. Но ничего не вышло. Овдовел он вскорости. С тех пор живёт бирюком. Немного помрачился на переживаниях своих.

Анна представила себя на месте невезучего Гришки. Чтобы она делала, случись такое? Как жила бы дальше?

Аппетит пропал, вяло поковыряв запеканку, она попросилась отдохнуть.

Грапа провела её в комнату, велела ни о чём не думать и выспаться как следует.

– Завтра прикинем, как твои вещи от хомутницы вызволить. И Оню позовём. Вот она тебе обрадуется!

Анна прилегла и всё гадала, что за особая гостя сейчас у бабки. Девчата объяснять ничего не стали, Тося так вообще посоветовала заткнуться, не лезть не в свои дела.

Тщетно покрутившись с часок на кровати, Анна поняла, что ни за что не уснёт.

Выждав время, осторожно вылезла в окно и пробралась к домику бабы Они.

Темно было там, не горел свет в окошках.

Постучала Анна тихонько, позвала:

– Баб Онь, вы дома?

Но никто не откликнулся на стук, не вышла баба Оня.

Анна прошла вдоль стены, привстала на цыпочки, заглянула в крайнее окошко и отпрянула в испуге. С той стороны стекла белело женское лицо. Взгляд был невидящий, пустой. Худые руки вяло скребли по стеклу, и под обломанными ногтями чернела то ли грязь, то ли земля.

– Хитка тама, – проскрипело позади.

В разросшемся шиповнике кто-то стоял, слегка подрагивали ветки.

– Хитка?.. – выдохнула Анна тихонечко.

Куст раздвинулся, выпуская крупного растрёпанного кота. Неповоротливый, толстый, проковылял он к Анне на задних лапах. Зевнул протяжно, присел рядом на траву. На широкой морде редкими клочками встопорщилась жёсткая борода.

– Цигарочку б щас...

– З-зачем? – только и смогла спросить оторопевшая Анна.

– Нутро просит, – натужно проговорил кот.

– Нет у меня никакой цигарочки, – поспешила ответить Анна.

– Тетёха ты, – кот вздохнул и завозился, принялся что-то искать среди спутанной шерсти.

Выбирая колючки да травинки, мурчал досадливо, и извлёк, наконец, замурзанный мешочек, протянул Анне

– Развяжи!

Та помогла, подцепила ногтем узелок.

– Табачок! – сипло сообщил кот, ловко занюхал щепоть и заперхал. – Забористый дюже!

– Кто это – хитка? – решила спросить Анна.

– Пакость, – сплюнул кот в сторону дома.

Когда же Анна обернулась, успокоил:

– Не бойсь, не выйдет она. В дому будет, пока время не окончится.

– Зачем? Что ей нужно?

Кот сторбился, шумно почесал в брове, посоветовал:

– Шла бы ты отседова...

– А баба Оня? Она здесь?

Кот не ответил. Потянулся, лениво поковылял к кустам.

Позади зазвенело, задребезжало стекло. Хитка налегла на него, словно хотела открыть.

– Беги, дурёха! – рывкнуло из шиповника, и Анна сорвалась с места, побежала со двора.

В свете луны, зеленоватом и зыбком, всё вокруг трепетало.

Множились странные шорохи, звучали далёкие голоса.

Кинулась откуда-то наперерез Анне чёрная кошка. Прежде чем укрыться в траве, ожгла недовольным взглядом, зашипела.

Призрачные белёсые фигуры появились впереди, зависли над землёй, будто поджидали.

Чтобы не встречаться с ними, свернула Анна в проулок, чуть не сбила с ног деда Семёна.

Тот вскрикнул тоненько, проблеял:

– Никак Анька? Напужала до колик!

– Там призраки!..

– Воздуховицы-то? – отмахнулся дед. – Безвредные они, завсегда перед Троицей показываются. А я вот брательнику гостинцы возил, – помявшись, показал на пустую тачку.

Анна хотела спросить – что ж ночью, да вспомнила, что брат дедов давно на той стороне, со святочницей семействует.

– Ты чего по деревне шастаешь?

– Я к бабе Оне ходила. Никто не говорит, что с ней. Вот и решила узнать. А там в окне лицо! Хитка какая-то.

– Дурная ты девка, – вздохнул дед. – Всегда норовишь куда не след просочиться! Уж не серчай на старика за правду.

– Вы как кот...

– Который? – подивился дед.

– Во дворе, на задних лапах прогуливался.

– Курево клянчил?

Анна кивнула:

– У него и махорка с собой была.

Дед хихикнул:

– Дворовый то. Зимой они спят, а таперича хозяйствуют. Ты его не обижай, он мирный.

– Он мне про хитку сказал, только не стал объяснять. Она такая неприятная, будто неживая! Как из ужасика.

– Из него и есть. Ты не смотрела в глаза ей? Не стучала в окошко?

– Н-нет.

– Пойдём до меня, Анька. Бабка ужин справила, поджидает. Там и поговорим.

...

– Ты пошто так долго шлялся, хрен старый! – накинулась на деда хозяйка. Завидев же Анну, примолкла, удивилась. – Анна?! Откуда взялась?

– По деревне бродила. К Оне попасть хотела.

– Как же это... – враз запричитала бабка. – Нельзя сейчас к ней. Неуж не сказал никто?

– Как же. Говорили. Только она всё одно по-своему сделает. Недаром Оня к ней прикипела.

Ужинать Анна не стала. Когда расселись у стола, попросила только попить.

Хозяйка налила ей густо-розового ароматного морса:

– Это из жимолости. Пользительный очень!

И под смачное дедово чавканье, завела рассказ:

– Не уполномочена я чужую историю рассказывать, да ты ж настырная, опять куда влезешь по незнанию. Внучка Онина очень на тебя походила – шустра была, вечно шмыгала везде, никого особо не слушала.

– Почему её лес забрал?

– Может и лес... Она с подружками на русальную неделю туда отправилась. В самое опасное время. Отбилась ото всех да заблукала, на деревяниц вышла, в хоровод к ним попала.

– Дервяниц?

– Вроде русалок они. На деревьях проживают.

Оня как узнала про то – вызволять кинулась. Она ж знатная. Обряд провела, после схитрила – попросила у нечисти для внучки отсрочки. Уговорилась, что приведёт в лес, когда та заневестится. Дерево же, возле которого внучку нашла, запомнила. И всё думала потом, как отвести напасть? С подружками собирались, мараковали всяко – только зря. Внучка тем временем подрастала... И решила тогда Оня на нехорошее. Подрядила зимой мужичка, попросила то дерево срубить. Сказано – сделано.

Только внучка с той поры дурна стала. Уставится в одну точку и лопочет что-то, вроде с кем-то разговор ведёт. Иногда находило на неё, бросаться на всех принималась... Намучилась с ней Оня. Но не жалилась, терпела. А как лето пришло, аккуратно на Троицу, девчонка и ушла.

С того времени каждый год возвращается. Перед зелёными святками как раз. Год от году всё страшнее делается, ничего человеческого не осталось.

Шмыгнет в комнатку свою и давай ходить! От стены – к стене, от стены – к стене. Как заведённая.

Перебудет время и назад.

– Она тоже деревяницей стала?

– Хиткой. Дервяницы в отместку хиткой её обратили. В старом омуте живёт, что на самой границе.

– Вы говорите – внучка. По имени не называете.

– Нет у неё больше имени. Прозванье только осталось – хитка!

### Часть 3

Утром дед навестил Грапу – успокоил, что у них Анна и ещё спит.

А когда поведал, что к Оне попасть пыталась и хитку видела – испугалась Грапа, за сердце схватилась:

- Неуж, перекосило её?? Как Светку?
  - Обошлось. Только рассказали мы всё, что теперь скрывать.
  - Вот же настырная! Сказано было – не ходи, так нет, по-своему вывернула!
- Грапа раздражённо гремела посудой, дед рядышком вздыхал.
- Откуда она взялась на нашу голову?
  - Марьяна привезла. Почуяла в ней что-то... И не ошиблась ведь!
  - Теперь зоркий пригляд за ней надобен, хитка искать её примется.
  - Пригляди за такой. Не цепями же её приковывать.

Позже, когда Анна с виноватым видом возникла на пороге, Грапа не выказала недовольства, позвала завтракать.

Анна послушалась. Только есть не хотелось. Она вяло возила ложкой в густой манной каше, а мыслями была далеко – горькая история бабы Они полностью захватила её.

Наконец, Грапа не выдержала:

- Что перебираешь? Не любишь кашу?
- Люблю. Спасибо. – смутилась Анна. – Я спросить хотела...
- Про хитку небось? Дед же всё рассказал. Не думала я, Анна, что ты такая бесшабашная. Вроде не маленькая, повидала многое, пока зимой гостила. Что ж снова на неприятности нарываешься?

– Я...

– Молчи да ешь! После подумаем, как с тобой поступить. У меня в районе родственники, отвезу тебя к ним. Перебудешь там.

– Не поеду я отсюда! Если стесняю вас – скажите, я у Матрёши поживу, или у Тоси.

– Да ты слушала меня или о своём думала? – осерчала Грапа. – Хитка тебя заметила, искать начнёт.

– Зачем?

– Чтобы с собой забрать.

– Но она не выходит из дома. Мне кот сказал.

– Ко-о-о-т? Который?

– Из двора бабы Они.

Грапа кивнула.

– Дворовый. Ты меньше слушай его, он сам из нечистых.

– Зачем ему врать?

– Анна! Ты в опасности, понимаешь? Как назад соберётся хитка, так о тебе вспомнит.

– Но почему обо мне-то?

– Потому, что в дом её пришла, потому, что бабушка её тебя полюбила. Хоть и нечисть теперь она, но всё понимает. Наши сейчас обходят стороной Онин двор. А тебя понесло! Спасибо, в глаза хитке не глянула, то бы уже перекошенная ходила. Как Светка.

– Светка? Та, что зимой из дома не могла выйти?

– Она. Навроде тебя упёртая. Только не такая везучая. А ещё сплетница каких мало. Приспичило ей на внучку посмотреть, вот и полезла по окнам подглядывать. А там хитка. Светка как на неё уставилась, так и перекосилась сразу. Известное дело – нельзя на русалку прямо смотреть. Теперь так кривой и останется.

– Как же Светка из дома вышла, как смогла? Баба Оня говорила, что никто помочь не берётся.

– Нашлась одна, проезжая. Сняла привязку. А Светка-то скупая. Вместо благодарности – поцапалась со своей спасительницей. Вот и получила через то ответку, подложила ей ворожейка чёрное яйцо. А как пришло время – вылутился из него уродец, вроде подсадного домо-

вого. Ну и начал пакости строить. Почти всё добро Светкино ворожейке перетаскал и сам утёк. Светка кое-что из денег скопила, так после не нашла. И главное был-то раньше у неё свой доможил. А как стала по весне шкура слезать – так сбесился. Сбежал со двора куда-то и с концами...

Анна про похождения Светки слушала невнимательно, потом и вовсе перебила Грапу:

– Я всё думаю про бабу Оню. Каково ей сейчас? Она ж, бедная, видит внучку и ничего не может исправить! Не спит, наверное. Измучилась.

– Вот придёт и поговорите тогда, – успокоила Грапа. – Расспросишь её обо всём сама.

Только баба Оня не пришла.

Промаявшись напрасно, Анна заглянула к Матрёше. Та возилась в огорожке, пропалывала от сорняковой поросли травы.

В скромном палисаднике разрослись пёстрые тюльпаны. Группами, как разноцветные свечи, стояли гиацинты, пахли оглушающе сладко. Тимьян раскинулся широкой полосой, весь покрылся крохотными розовеющими бутончиками.

Высокий куст можжевельника подпирал забор, рядом робким саженцем голубела пушистая ель.

– Как у тебя чудесно! – похвалила Анна. – Поколдовываешь, наверное?

– Ага. Вот этими руками, – Матрёша показала перепачканные землёй ладони. – Сад внимание и уход любит. Вишь, сорняков повылазило? Вот и ползаю целый день. Выбирать осторожно приходится, чтобы цветы не повредить. Я доделаю здесь, а ты погуляй. Только к Тоське не ходи, она тебе точно не обрадуется.

– Да что я такого сделала? Почему она меня невзлюбила?

– Тёмку взбаламутила. Она чувствует это. Ревнует. Переживает за него.

– Ревнует? Брата?

Матрёша кивнула.

– Небось, одна у родителей?

– Да.

– Вот и не понимаешь, как это бывает.

– Знаешь... Я так спешила сюда. Хотела всех увидеть, соскучилась. А вы как чужие. И баба Оня не пришла. Прячется от меня будто. Матрёш, я ж видела её внучку. Хитку.

Матрёша закатила глаза, потрясла руками:

– Поэтому Оня и не пришла, не стала тебя подставлять! Чтобы хитка не унюхала.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.